

люди искусства

ЦЕЛЬНОСТЬ ХУДОЖНИКА

Д. ШАЦИЛЛО

Место в сегодняшнем актерском строю отвоевывалось Георгием Жженовым долго и трудно. Ему пришлось потратить немало сил, употребить немало энергии на то, чтобы утвердиться в профессиональной среде, в зрительском мнении свою независимость от всяческих штампов, стандартов в определенной своей индивидуальности и художественного почерка.

Для того, что делает Жженова на сцене и на экране, — а надо сказать без обиняков: делает он много, трудится вволю и от души, — крайне сложно подыскать привычную искусствоведческую рубрику.

Кто он такой, Георгий Жженов?

Актер на так называемые характерные роли? Ведь ему на редкость удаются подобные замысловатые, иногда на грани фольклора персонажи в гриме, а чаще без грима... Таким он был в фильмах «Третья ракета», «Весна на Одер», «Водил поезд машина»...

А что если он незаменимый исполнитель ролей героического плана? Ведь не случайно же его непрерывно зовут в фильмы, где требуется сыграть героя, сыграть по «большому счету», с естественностью и высокой убедительностью постоянной правды. Именно поэтому возникает фамилия Жженова в титрах картины «Горячий снег», именно поэтому он играет одну из важных ролей в снимаемом Игорем Таланкиным публицистическом фильме «Выбор цели».

Да, но не стоит забывать и еще об одном достаточно важном моменте биографии Жженова. После того как он в молодости с опорством и вдохновением удерживал «тянул репертуар» на периферийных подмостках, где приходилось днем и вечером «выдавать» все — от вдовы до трагедии, у актера и возникли поразительная органика, диапазон передвижения в любом предлагаемом образе. Поэтому он одинаково свободно чувствует себя как в качестве «идеала», так и в качестве «злодея», с легкостью и, кажется, без усилий, по крайней мере видимых, переходя от воплощения человеческих добродетелей и притягательных особенностей личности к воплощению отрицательных полюсов натуры, ее душевных тупиков, опустошенности...

Так что же, вывод, как говорится, напрашивается сам собой: Георгий Жженов — универсальный актер, совершенный и образцовый исполнитель самых разнообразных ролей, актер, по сути дела, не имеющий «потолка»?

Однако, сказав нечто в таком духе, мы, конечно, погрешили бы против истины. Жженов действительно умеет многое, ему многое под силу и по плечу, но его дарование, емкое от природы и натренированное давним опытом, имеет все же свои пределы. Пределы чрезвычайно отчетливые и даже резкие.

Жженову, допустим, никак «не написано на роду» и во все «не требуется» создавать традиционно романтические образы. Тот максимум поэтической окрыленности и минимума психологического контрапункта, который эти образы отличает, Жженову не близки, скорее чужды. Если говорить о «сто процентности» Жженова, то он стопроцентный реалист в лучшем смысле общего и столь конкретного — в зависимости от случая — понятия.

В исполнении Жженова рабочий остается рабочим, а

дворянин — дворянином; никакой идеализации персонажа он не допускает. Актер всегда мудр, точен и строг в подходе к изображаемому. Чуткое и опытное художника-гражданина неизменно способствуют убедительности его художественного и классического анализа ролей.

Границы отечественной тематики и проблематики Жженов переходит, но с известным напряжением. Достоверно изобразить персонаж иностранного происхождения он вполне способен, но лишь прибегая к приемам, принципиально далеким от своей обычной манеры показа и рассказа.

В фильме Юлия Карасика «Человек, которого я любил» Жженову, в целом блестяще справившемуся с ролью, надо было произнести по ходу действия несколько слов по-английски. Из всего текста роли эта реплика звучала как самая ненатуральная, самая «привнесенная» и чужеродная. Очевидно, интеллигентная Жженова обладает некоей чувствительностью к ее внешним приметам, «сигналам», подпоркам.

То, что у другого актера звучит естественно, с мимолетностью неосознанного порыва, у Жженова воспринимается как доподлинный, излитый и причудливый акцент, как вариант внутреннего «заклима», как странное усилие ума, эмоций, инстинкта, наконец.

Очевидно, Жженов — актер внутреннего, а не внешнего перевоплощения. Внутренняя его индивидуальность, его «я» настолько определены и ясно выражены, что вряд ли поддадутся какому-либо гриму.

Жженов как художник наиболее силен в масштабах того искусства, которое с максимальной полнотой и четкостью фиксирует диалектику взаимоотношений личности и общества, — в реалистическом искусстве. Причем именно в психологически-бытовом аспекте реализма. Гротеск, сатира, биффонада для Жженова менее органичны, хотя он пришел в кино и театр из цирка, а его блистательный эпизод в комедии «Берегись автомобиля» показал, что средства условного жанра не чужды богатой палитре актера.

Да, Жженов умеет проникнуть в глубины характера, зримо и точно проанализировать «наизнанку» самые прихотливые извивы намерений и поступков своего героя. Он и вправду способен придать едва ли не документальную убедительность персонажу, чьи действия и чья психология в любом другом исполнении показались бы невероятными или просто плохо придуманными. В этом смысле Жженов на самом деле становится творцом, соавтором режиссера и драматурга. И, наверное, в этом достоинстве актера таится и один из самых трудных моментов его творческой судьбы. Понимая, что Жженов «может все» и способен всегда производить впечатление в кадре, иные режиссеры жадно и бездумно используют эту его способность, приглашая на роли, которых, в сущности, нет, которые ни в малой степени не выписаны драматургически и спасти которые может только чудо.

Жженов с постоянным истого волшебника это чудо совершает на глазах зрителя: в ряде фильмов он не «заваливает», а «поднимает», казалось, любую самую «безнадежную» роль (как, например, в фильмах «Меченый атом» или «Океан»)...

Но ведь «чудеса» не вечны, и ими одними нельзя продержаться долго на прекрасной, но суровой стезе искусства. Искусство требует более твердых, более весомых доказательств таланта, нежели умение творить «все из ничего» и непрерывно превращать воду в вино.

Жженов и такие доказательства представляет на суд искусства, на суд зрителей. Представляет не слишком часто, но с такой силой, что они надолго остаются в памяти и порой заставляют принимать как должное, «списывать» как «издержки производства» то, что списывать вовсе не должно, — работу «по случаю» в слабых, заведомо посредственных фильмах или спектаклях. Впрочем, в таких «издержках» Жженов не одинок, он в них «без вины виноват», ибо издержки эти — проявление общих сложностей развития нашего актерского хозяйства.

Но зато на поприще серьезной, обеспеченной психологическими и бытовыми ресурсами драматургии Жженов способен быть уникальным, единственным, способен выдержать самую пристрастную критику. Таков он, скажем, в спектакле Театра имени Моссовета «Одна» (по пьесе С. Алешина).

Даже в тех картинах, которые далеко не все считали явлением, бесспорной удачей, работа Жженова единодушно расценивалась как собою, как предмет для искусствоведческого размышления.

Поразмыслить действительно есть над чем.

Из множества ролей, сыгранных актером на экране, выделим хотя бы три роли. Они программны с точки зрения нравственной, социальной, эстетической.

Три роли. Это Зароков — Тульев в «Ошибке резидента» и «Судьбе резидента», это генерал Бессонов в «Горячем снеге», это Билли Старк в телевизионной экранизации романа Роберта Пенна Уоррена «Вся королевская рать». Все перечисленные роли Жженов сыграл блестяще, поистине в этих картинах актер «солировал».

Роль Зарокова — Тульева принесла актеру популярность у миллионов зрителей. Жженов в этой детективной эпопее играет вне рамок жанра. Он создает свой жанр, свою эпопею.

Трудно поверить в ту сюжетную условность, которая предлагается в картине В. Дормана: бывший эмигрант, потомок старинного графского рода, современный разведчик-профессионал, вернувшись на родную землю, превращается из врага Отчизны в ее друга. Трудно поверить в этот жанровый «ход», но Жженов наполняет условную ситуацию безусловностью психологических подробностей, и мы верим его герою, а значит, ему самому прежде всего.

Что происходит в данном случае? Очередное «чудо», актерский «фокус»? Ни то, ни другое.

Просто Жженову как художнику оказались понятны, доступны и интересны переживания человека, заново обретшего родину, друзей, любовь. Мотивировки жанра он сумел преобразить в личные мотивировки и таким образом достиг нужного художественного, социального эффекта.

То же самое произошло и с двумя другими ролями Жженова. И генерал Бессонов, и Билли Старк в исполнении Жженова представляли как типичные герои определенных и прямо противоположных идеологических формаций. Бессонов воплощал мужество, волю, ум народа, заступающего свою честь и свободу. Старк символизировал усталую мудрость индивидуума, эдакого «волка среди волков».

Вот здесь мы и подошли к еще одной, крайне важной грани индивидуальности Жженова, приблизились к истокам еще одной его «загадки».

Жженов — человек удивительно цельный. Как художник он чрезвычайно тонко чувствует соответствие своих личных свойств и свойств образов, предлагаемых ему в фильме или спектакле. Там, где ему довелось сыграть цельность, бестрепетность восприятия «прекрасного и яростного мира» с положительным знаком (Бессонов), с отрицательным (Старк) или в сложном сочетании, взаимопереплетениях обоих полюсов, он сыграл впечатляюще, пронзительно.

Как художник, как соавтор режиссера и драматурга Жженов особенно силен тогда, когда он исповедует с экранов или со сцены (достаточно вспомнить его в роли старого рабочего Забродина в спектакле Театра имени Моссовета «Ленинградский проспект») то, что ему до боли душевно дорого, что для него близко и свято. То есть человечность, стойкость духа, веру в добрые начала окружающей жизни.

Отсутствие в его работах красоты, экстраординарности, показного блеска делает его популярность особой, нетрадиционно актерской.

Стихия Жженова — это типическое, распространенное, общее для многих людей. В этой стихии он незаменим: в ней он нашел свое призвание.

Фото А. Заварина.